Воины Красной Армии! Крепче бейте фашистских извергов, отомстите за пролитую кровь наших жен и детей, отцов и матерей!

Группа самолетов авиачасти тов. Образкова в боевом полете над территорией, занятой противником. Снимок сделан военным фотокорреспондентом «Правды» С. Струнниковым 5 декабря 1941 г. с пикирующего бомбардировщика младшего лейтенанта В. Бутурлинцева.

АВИАТОРЫ-ГВАРДЕЙЦЫ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Линию фронта пересекли штурмовики подполковника Леонида Рейно. Перед вечером они возвратятся, совершат посадку на аэродроме и, пошатываясь от усталости, подойдут к подполковнику и тихо доложат: уничтожено столько-то танков, столько-то автомобилей, столько-то пехоты. У штурмовиков есть простой язык цифр, люди полка, которым командует подполковник Леонид Рейно, всегда точно знают, чем завершились их налеты. Им приходится летать на небольшой высоте, когда с отчетливой ясностью виден и танк, и автомобиль, и человек, идущий по дороге.

Опасность? Риск? Смерть? Люди, летающие на штурмовиках, не задумываются над этими понятиями, хотя они и любят жизнь и дорожат ею. Но такова необходимость, таковы суровые условия войны: побеждает смелый человек, презирающий смерть. Именно из таких людей создана наша штурмовая авиация. Леонид Рейно может с удивительным увлечением рассказывать об особенностях штурмовиков. Он говорит: это универсальные люди.

Представьте себе артиллериста, сидящего в блиндаже. Он один бессилен в бою, нужен наводчик, наблюдатель, заряжающий, правильный. Нужен большой внутренний контакт между этими людьми, тогда орудийный расчет будет с точностью разить врага. Представьте себе пулеметчика на передовой позиции,— и ему нужен второй человек, или, как в армии говорят, второй номер. Представьте себе, далее, водителя автомобиля или танка,— ему трудно быть в одно и то же время и артиллеристом, и пулеметчиком, и механиком. Но вот создан самолет, который люди назвали штурмовиком. В нем помещается только один человек, он поднимается в воздух, и там ему приходится быть одновременно и авиатором, и артиллеристом, и пулеметчиком, и бомбометателем. На самолете есть и пушка, и пулемет, и бомбы. Всем этим грозным вооружением надо владеть в совершенстве. Там, в воздухе, надо действовать с математической точностью, с решительностью и смелостью, приучая себя к мгновенной реакции на любые события, происходящие вокруг — и на земле, и в воздухе. Леонид Рейно, пилот с большим опытом и тактическим кругозором, не раз демонстрировал своим летчикам это великолепное искусство штурмовых действий. Над колоннами врага, над его тылами, под огнем зенитных батарей штурмовик расстреливает немцев из пулеметов, взрывает и поджигает машины из пушки, бомбит танки. И все это делает один человек — Леонид Рейно, подполковник. Так же штурмуют и его летчики, которых он называет «универсальными людьми», потому что они в воздухе превращаются и в артиллеристов, и в пулеметчиков, и в бомбометателей. Теперь полк этот получил звание 6-го гвардейского, звание, которое он заслужил в суровых и бесстрашных боях.

Гвардейскими стали и четыре истребительных авиационных полка. Майор Алексей Юдаков, командир 1-го гвардейского авиационного полка, может рассказать о подвиге капитана Тормозова, который спас свой самолет, когда в воздухе загорелся бензиновый бак. Пожар возник от осколка снаряда над вражеской территорией, но Тормозов со свойственным ему хладнокровием и самообладанием быстро ликвидировал пожар, вернулся на аэродром, доложил о выполнении задания и только потом — о своем поступке, о пожаре в воздухе. Майор может познакомить вас с лейтенантом Дудиным, который в воздушных боях израсходовал все патроны, но, встретив вражеский бомбардировщик, все же вступил с ним в бой. Он применил таран — маневр, доступный только летчикам большого мастерства. Бомбардировщик полетел книзу и разбился, а Дудин невредимый совершил посадку на своем аэродроме.

В полку, которым командует майор Даниил Шпак, расскажут, как капитан Прокопенко один вступил в бой с тремя немецкими истребителями. Он встретился с ними, когда возвращался на аэродром. Наши истребители не убегают и не отступают перед врагом. Прокопенко во время боя был ранен, в кабине загорелись ракеты,—он выбросил их за борт и продолжал обстреливать и гнаться за вражескими самолетами. Один из них воспламенился, упал. Два немецких истребителя повернули и ушли от боя.

Здесь, в 3-м гвардейском авиационном полку, которым командует Даниил Шпак, будет на веки сохранена память о доблестном комиссаре, старшем политруке Виноградове, который вступил в бой с вражеским бомбардировщиком, когда патронов в запасе уже не было. Виноградов возвращался из боевого задания, он все же хотел преградить путь бомбардировщику, который держал курс на очень важный об'ект нашей обороны. Виноградов протаранил фашистский самолет, но в это мгновение вражеский стрелок нанес комиссару тяжелые ранения. Виноградов уже не смог управлять самолетом и погиб геройской смертью. Летчики о нем говорят: так живут и погибают настоящие советские истребители. Теперь мы можем сказать: так живут и дерутся с врагом авиаторы-гвардейцы, люди, воскресившие боевые традиции русских гвардейских полков, несших на своих штыках смерть врагу, победу для народа, славу для русской земли.

Авиационная гвардия дерется теперь и на подступах к Москве. Летчики-гвардейцы, сумевшие в самые трудные дни войны одерживать победы над врагом, доказали, что советская авиация—это грозная сила, удары которой не раз еще будут чувствовать на своих спинах немецкие дивизии.

Шести авиационным полкам вручаются гвардейские знамена, они будут овеяны бессмертной славой советских людей, сражающихся за освобождение человечества от страшной гитлеровской чумы.

О. КУРГАНОВ.

НОВОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ ФАШИСТСКИХ ВАРВАРОВ

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 6 декабря. (Спец. корр. ТАСС). Бойцы командира Акименко вели бой с немцами на одном из участков нашего фронта. Чувствуя свое бессилие перед мужеством, стойкостью и ураганным огнем наших бойцов, немецко-фашистские варвары пошли на чудовищную гнусность. Под угрозой расстрела они погнали впереди своих войск мирное население села Г.— стариков, женщин и детей. Бойцы тов. Акименко сорвали злодейские планы немцев, ударив по флангам наступающих немецких войск. Враг был рассеян, а мирные советские люди спасены и освобождены.

* * *

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 6 декабря. **(По телефону).** Как сообщает украинская газета «Коммунист», немцы зверски уничтожают книжные фонды. Недалеко от Харькова дорога устлана книгами городской библиотеки. В Валках, Харьковской области, немцы книгами городской библиотеки топят печи. В Мерефе, под Харьковом, немецкие солдаты разбили и бросили в грязь памятник Пушкину.

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ ВО ВРАЖЕСКИХ ВОДАХ

В Москве стало известно о выдающемся походе подводной лодки под командой капитана-лейтенанта тов. Вишневского. Лодка получила приказ занять боевую позицию в районе неприятельской базы в Балтийском море. На пути, который продолжался трое суток, лодка форсировала минные поля.

На следующий день после занятия боевой позиции капитан-лейтенант Вишневский обнаружил в перископ два фашистских транспорта. Один был водоизмещением в полторы, а второй — в три с половиной тысячи тонн. Лодка атаковала большой транспорт противника, потопила его.

На боевой позиции лодка пробыла тридцать дней. Выполнив задание, она благополучно вернулась в базу.

Как хозяйничали немцы в Ростове

РОСТОВ-на-ДОНУ, 6 декабря. (Спец. корр. ТАСС). Еще не собраны все сведения, еще не подсчитаны все жертвы семидневного пребывания немцев в Ростове. В милицию, в больницы, в морг ежечасно доставляют трупы замученных и растерзанных людей, повешенных снимают с деревьев, с телеграфных столбов, с косяков ворот, превращенных в виселицы. Расстрелянных находят на тротуарах, в аллеях парков, во дворах, где были фашистские комендатуры. Со всех концов города зверски убитых людей привозят в Институт судебной медицины на Пушкинской улице.

Вот труп шофера с разбитой прикладом челюстью и штыковыми ранами на шее, медицинской сестры с вывернутыми руками и огромной раной в груди, рабочего-ополченца с раздавленной грудью, седого железнодорожника с развороченным животом, красноармейца-узбека с выколотыми глазами.

У самого входа в морг лежит труп, с головы которого ножом срезали кожу. Этого человека сперва ранили в голову, затем оскальпировали и, наконец, бросили на с'едение собакам. Авторитетные медицинские эксперты—ростовские врачи Кечек и Зарубицкий осмотрели этот труп и составили протокол вскрытия, выдержку из которого мы приводим:

«1941 года 2 декабря ростовский гор. суд.-мед. экспертизой был произведен осмотр неизвестного мужчины, на вид лет 25, для определения причины его смерти, причем обнаружено: труп мужчины, одетый в черное суконное пальто железнодорожного образца, под которым ватная телогрейка синего цвета, выцветшая, под нею гимнастерка защитного цвета с петлицами, на которых имеются отпечатки бывших знаков отличия. Труп правильного телосложения, удовлетворительного питания. Голова правильной формы, все мягкие покровы головы отсутствуют, за исключением небольшой полосы на границе шеи, покрытой светлорусыми коротко остриженными волосами. Кости крышки черепа обнажены полностью, в лицевой же части имеются небольшие остатки мышц. Кости лобные и теменные раздроблены на большое число различной величины осколков. Заключение: смерть неизвестного мужчины наступила от огнестрельного ранения головы. Принимая во внимание ровные края ран на затылке, можно считать, что мягкие ткани черепной крышки удалены с помощью острого орудия».

Неизвестный, прежде чем его доставили в морг, лежал на камнях у Ростсельмаша. На улицах Ростова много было таких убитых и истерзанных людей. К одному из расстрелянных подошла старушка. Она наклонилась и поцеловала его в лоб. Немецкий часовой, стоявший неподалеку, выстрелил из автомата. Убитая наповал, старая женщина легла рядом с бойцом. Немцам было все равно, кого убивать.

Особенно потрясла жителей Ростова страшная драма, разыгравшаяся в саду имени Фрунзе. В сад вошел мальчик, на вид ему было лет 12—13. В руках у него было два голубя—белый и сизый. Он привык их запускать в небо каждый день и следить за их полетом. Но как только привычным, легким движением рук он подбросил голубей кверху, пуля автоматчика сразила его на месте.

Чем более шатким становилось положение немцев на фронте под Ростовом, тем злее свирепствовал фашистский террор в городе. Они расправлялись уже не с отдельными людьми,—они уничтожали целые семьи, целые квартиры, дома и кварталы. Особенно бесчинствовали немцы в пролетарских районах города. На 36-й линии они убили 61 человека. У дома управления железной дороги немецкие автоматчики расстреляли 48 человек среди бела дня, не считая нужным скрывать свои злодейства. На тротуаре центральной улицы Ростова гитлеровские убийцы расстреляли 60 человек. На армянском кладбище убито 200 человек. Такие же случаи массового убийства ни в чем неповинных граждан происходили и в других кварталах города.

Среди убитых—люди разных возрастов, разных профессий, школьники, пенсионеры, ученые, домашние хозяйки, слесари, парикмахеры, чертежники, дворники, педагоги, почтальоны, пожарные и другие.

При вступлении в Ростов немцы захватили несколько групп пленных и расстреляли всех до единого. В городской больнице неотложной помощи находится на излечении красноармеец Василий Пантелеевич Белоусов, чудом спасшийся от смерти.

— Когда мы попали в плен,— рассказывает он,— нас было семь человек — два грузина и пятеро русских. Нас повели в немецкий штаб. С сержанта Обухова сняли допрос. Больше никого не допрашивали. Час мы стояли во дворе, затем немцы приказали нам перейти в другое место. Повели на площадь Баррикад и поставили к стенке около ограды. Там уже лежали прямо на мостовой трупы только что расстрелянных наших бойцов. У железной ограды я стоял вторым. Немцы ударили сначала первого, затем кого-то в середине, затем меня. Я потерял сознание и не слыхал, когда падал. Побили всех. Когда я пришел в себя, то притворился мертвым: лежал на груди соседа— моего товарища-грузина, тоже убитого не сразу. Он медленно умирал, и вскоре сердце его перестало биться. Через полчаса пришли немцы проверить, нет ли среди нас живых. Они медленно проехали на мотоцикле по нашим телам. Я сдержал крик боли, несмотря на то, что был тяжело ранен в плечо. Немцы подумали, что мы все мертвы.

Так лежали мы до ночи. Ночь на горе была светлой, лунной, я подождал, пока зашла луна, кое-как поднялся и пополз вдоль ограды к клубу. Пытался перелезть через решетку, чтобы спрятаться в саду, но оборвался и упал. Тогда я пополз вдоль стенки к клубу. Двери и окна были все закрыты. Я подумал, что уже погиб. С радостью увидел полуоткрытые ворота, добрался до щели бомбоубежища, дополз туда, вкатился и пробыл там до прихода Красной Армии. Я сильно страдал от раны, от холода и жажды и обморозил себе ноги...

Семь дней пробыли немцы в Ростове. Эти дни навсегда останутся в памяти большого полумиллионного города, в котором нет ни одной улицы, где бы не лилась человеческая кровь, и ни одного дома, которого не коснулось бы дыхание смерти. Смерть взывает к мести. Все граждане и патриоты нашей родины готовы отдать свою жизнь во имя этой справедливой и священной мести, за поруганную честь, за сожженные очаги, за трупы матерей, за кровь детей, за неизвестных героев, изуродованных немецкими палачами.

У памятника Ленину, повреждённого фашистским снарядом, у памятника Марксу и в других местах города на митинги вчера собрались все граждане Ростова. Они дали клятву бороться с кровавым гитлеризмом до конца, до полного и окончательного его уничтожения.

А. МАЦКИН, В. СОБОЛЕВ.

ВОТ ОНИ КАКИЕ — НЕМЕЦКИЕ ГРАБИТЕЛИ И УБИЙЦЫ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

1.

Сияет зимний солнечный день. На елях и березах сверкает пушистый иней. Тепелько и вкусно скрипит под ногами синеватый хрусткий снег. Над крышами колхозных домов вьется мирный курчавый дымок. Мороз-красный нос, крепчая, пощипывает щеки и уши, перехватывает дыхание. А ребята с визгом и хохотом катаются с горы на салазках. И хороша же ты, наша русская подмосковная зима! В сердце, в самую глубину вдруг ударила волна очарования, налитая воспоминаниями далекого и милого детства.

— Уж ты, зимушка зима,
Ты холодная была...

И вдруг в это радужное и родное впечатление врывается прерывистый, словно захлебывающийся вой немецких самолетов. Как он омерзителен и горласт! Тревога и злоба вздымаются в душе. Вой самолетов приближается. Бегите, спасайтесь, ребятки, с своими салазками. Что же вы там медлите, колхозницы, идущие от колодца с ведрами, полными воды? Ведь вас сейчас будут бомбить, а потом расстреливать из пулеметов немецкие убийцы и варвары! Они начали это на рассвете 22-го июня, и не было с той поры дня, чтобы не лилась кровь советских людей...

Уже видны сбоку над лесом крестики, похожие на синеве неба на кресты бомбардировщики врага. Они не одни. С пронзительным свистом проносятся длинные «Мессершмитты».

Все ближе вражеские самолеты. И вой их словно давит к тебе, — омерзительно и жутко.

Вдруг слух улавливает сквозь этот вой новый звук. Сердце радостно стучит:

— Наши!

Да, наши! Из бескрайней синевы воздушного океана несется густое и чистое—серебряное гудение. Ага! Фашистские бомбардировщики трусливо поворачивают назад. Догоняйте, рвите их, соколы! Взлететь бы с вами!

«Мессершмитты» бросаются навстречу, перехватывая удар. Возникает и завязывается, скрываясь за стеной леса, воздушный бой. Грозно ревут моторы.

Вдруг появляется «Мессершмитт». Он летит прямо сюда. В сердце — холодок. Где же наши? И это запечатлевается в душе, словно глубокая резьба на металле: из невыразимой высоты стремительно и неотразимо пикирует на врага наш истребитель. Мгновенно возникают, словно голубоватые нити, трассы пуль. И как выразить радость и восторг, когда над твоей головой сталинский сокол стреляет и сбивает врага? А «Мессершмитт», клюнув носом и нелепо перевалившись через крыло, уже падает, падает, падает, вот от него отделяется черная точка. Потом вспыхивает купол парашюта. Только бы не удрал немецкий летчик в сосновом лесу!..

2.

Нет, не удалось ему скрыться в лесу. Он еще болтается на стропах парашюта, а в снегах его ждали наши фронтовики!

И вот он сидит в домике у дороги, — сидит злобно и бессильно, — фельдфебель Брей Гюнтер из Бергдорфа, немецкий оккупант и убийца.

Узкое лицо, курчавые волосы, крючковатый толстый нос и горбатая спина у этого арийца. Ему тридцать два года. С 1934 года он — член национал-социалистской партии, с 1939 года служит в военной авиации, дрался в Голландии, с сентября на Восточном фронте, недавно был в Варшаве, оттуда прилетел на новом самолете, и — сбит был в первый же боевой вылет!

Он сын инженера, окончил гимназию, и хотя говорит, что работал шофером,— руки его тонки, выхолены.

Что же у него там, за этими бегающими темно-серыми глазами? Товарищи наши засыпают его вопросами, он отвечает словоохотливо, а глаза шарят, шарят,— ищут решения его судьбы.

Да, он расстреливал советских людей. Но ведь это война. Он солдат, исполнял приказ. А с советскими людьми у него всюду, где он бывал, были самые лучшие, дружеские отношения. Ни о каких грабежах, ни о каких зверствах не может быть и речи! Немецкая армия — самая культурная, цивилизованная армия во всем мире!

Через стены домика слышно шумное движение, возбужденные, шумные голоса. Все поворачиваются к двери. Она распахивается, клубится морозный пар, входят бойцы. И они вводят еще немецкого летчика.

Рослый, рыжий детина в меховом комбинезоне — летчик-наблюдатель с немецкого корректировщика. И как же ненавидят наши фронтовики этот вражеский самолет! Они надавали ему прозвища:

— Кривая нога!

— Горбыль!

Появление этого «горбыля» означает, что вскоре последует или налет бомбардировщиков, или огневой налет минометов и артиллерии. А сегодня «кривая нога» сбита. На нашей передовой линии грянул гром аплодисментов и «ура», когда в воздухе запылал «горбыль».

Обер-фельдфебель Пенцен Андреас из Шлезвиг-Гольштинии, 28 лет, спасся на парашюте. Он, как и тот,—член «наци» с 1934 года; в авиации же с апреля 40-го года; драться стал на Восточном фронте.

На веснушчатом рыжей щетиной лице его—маска, мертвая, злобная маска равнодушия. Но — никуда не упрятать ему ни страха, ни злобы. Хищно насторожены его огромные малиновые уши. Напряжены темно-пепельные зрачки. Длинные, как и у первого, пальцы холеных рук вьются, вьются — влажные от пота...

И он тоже говорит о культурности немецкой армии:

— В СССР немецкие войска ведут себя культурно. К населению мы особой любви не проявляем, но и население к нам особой любви не проявляет. На занятой земле мы установили теперь настоящий мирный порядок.

— Ох, гадина! — с глубоким яростным вздохом вырывается женский голос.

Фронтовики расступаются. От двери проходит женщина.

— Да успокойся, Таня, успокойся!— Подруга обнимает Таню. Ни проронив, подвигает стулья. Они садятся, не спуская глаз с немецких летчиков. Головы тех, словно под очередями пулеметного огня, глубоко уходят в плечи.

Боец подает Татьяне кружку воды. Та пьет, и в тишине очень слышно, как пьет, пьет, да и стукнут зубы о край кружки.

И каждый из нас ждет, ждет с замиранием сердца страшных каждому мужчине воплю женских слез. А глаза подруг — и Татьяны, и Ниониелы—блестящи и сухи.

По-прежнему не спуская глаз с фашистов, вперебой рассказывают они, только что вернувшиеся из немецкого тыла наши партизанки.

— В Волоколамске уже не одну неделю висят девять повешенных советских людей. Они уже почернели и замерзли и все висят. Меж ними девушка пятнадцати лет.

— В Лотошине на виселицах висят сорок человек. Тут и мужчины, и женщины. Одна женщина — коммунистка, председатель правления колхоза. После нее сиротой остался ребенок.

— Немецкие солдаты грабят все. Белье все забирают. Валенки снимают с ног. С женщин на дороге снимают пальто, головные платки.

— Враги все население забирают, сгоняют в сарай, держат там, пока сами не продвинутся. Держат по многу дней! Не кормят, отбирают последний кусок хлеба.

Подруги говорят тихо. На лицах — молодых и хороших — глубоко насечки морщин. Глаза их—сухие. Нет таких слез у подруг, чтобы выплакать все горе, все ужасы, все обиды, которые вынесли от немецких захватчиков обе эти подруги и— на их глазах— многие советские люди...

Немцы настороженно слушают перевод, и у черного фельдфебеля на лбу, на лице появляются капли пота, а лицо его сереет от смертельного страха. Тонкими посиневшими губами шепчет он:

— Может ли это быть?

Рыжий фельдфебель злобно отрекается:

— Я об этом не слышал, я этого не видел!

Чувство жгучей ненависти и презрения цепко хватает за горло. Что же это за «рыцари», у которых не хватает духу хоть на мгновенье глянуть правде в лицо и самим не лгать, а сказать, как оно было...

В сердце, в душе звенят священные слова:

— Истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу родину для ее порабощения.

Немецкие летчики, сгорбившись, молчат. И так ясно чувствуется: трупным смрадом несет от них, дыхательных слуг своего кровавого «фюрера».

Вл. СТАВСКИЙ.

Перекличка дзержинцев Москвы и города Ленина

Трудящимися Дзержинского района Москвы было получено письмо от трудящихся Дзержинского района Ленинграда. Они пишут о героической борьбе ленинградцев, отстаивающих свой родной город от полчищ германского фашизма, о решимости продолжать борьбу до полного уничтожения врага.

Это письмо ленинградцев обсуждалось на собраниях рабочих и служащих предприятий и учреждений и на собрании партийно-советского актива нашего района. Выступления на собраниях еще раз показали, насколько дороги каждому трудящемуся Москва и Ленинград. Выступающие призывали защищать Москву так же стойко, как ленинградцы защищают город Ленина.

Работник автобазы № 2 тов. Буласв в своем выступлении сослался на примеры героической борьбы русского народа за Ленинград. И он закончил речь словами:

— Не впервые враги рвутся к городу Ленина, не впервые хотят его захватить. Ленинградцы отражают яростный натиск врага. Наши братья и сестры Дзержинского района дают нам пример самоотверженной борьбы. Так и мы должны защищать свой город!

На предприятиях, работающих непосредственно для фронта, рабочие, инженеры и техники в ответ на письмо дзержинцев Ленинграда брали на себя новые производственные обязательства, обещали работать еще лучше.

На заводе «Цветные металлы» коллектив слесарно-механического цеха обязался увеличить в полтора раза выпуск деталей.

Выступая на собрании, токарь этого цеха т. Егоров говорил: «Еще недавно работа шла у меня значительно медленней потому, что я ее недостаточно хорошо продумывал и подготовлял, сейчас так нельзя. Сейчас нужна особая организованность, подтянутость, нужно все свои силы отдать для помощи фронту». И у тов. Егорова слово не расходится с делом: он уже выполняет план более чем на 200 процентов.

Токарь тов. Молчанов выполняет норму на 150 процентов, на собрании он дал обязательство стать двухсотником и упорно добивается этого.

На заводе «Борец», где письмо обсуждали на собраниях во всех цехах, рабочие вызывали друг друга на социалистическое соревнование. Токарь тов. Буланов взял на себя обязательство выполнять программу не ниже чем на 180 процентов и вызвал на соревнование токарей Овсянникова и Городича. Овсянников и Городич вызов приняли: Городич обязался выполнять норму на 200, а Овсянников — на 250 процентов.

На собрании в одном из цехов инженер Тольский, который более месяца работал на строительстве укрепленного рубежа, заявил: «Я считаю себя мобилизованным на защиту родины. В любую минуту готов выполнять любые задания».

С пламенной речью выступила на заводе «Красный штамповщик» сварщица т. Грибкова, проработавшая здесь 22 года:

— Лучший ответ нашим братьям и сестрам-дзержинцам города Ленинграда — это еще лучше работать, еще больше давать вооружения для Красной Армии. Я вношу предложение: в выходной день выйти всем цехом на работу. Пусть фашисты получат от нас лишнюю порцию смертоносного оружия! А отдыхать мы будем потом.

Весь цех поддержал предложение т. Грибковой, и в выходной день все вышли на работу.

На собрании коллектива завода «Твердые сплавы» работница т. Золкина заявила:

— Мы строили недавно укрепления. В разговоре с одним красноармейцем он нам сказал: «Ройте получше могилу проклятым гитлеровцам, а мы уж постараемся загнать их в этой могиле».

На ряде предприятий рабочие стремятся практическим делом ответить на письмо ленинградцев. Токарь завода «Борец» тов. Херувимов выполнял нормы на 190 проц. а теперь выполняет норму на 220 проц., стремится стать трехсотником.

Письмо трудящихся Дзержинского района Ленинграда вызвало большой под'ем среди дзержинцев Москвы. У всех одно желание: дать фронту как можно больше продукции, дать Красной Армии все необходимое для быстрейшего разгрома и уничтожения гитлеровцев.

Н. ФРОЛОВ.

Секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) гор. Москвы.